

СКИФО-ХУННСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В РИТУАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ И ПРЕДМЕТАХ БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ ИЗ ДЕРЕВА У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Сакрализация дерева у тюркоязычных народов Сибири берет свои истоки у предшествующей культуры ранних кочевников Саяно-Алтая и в целом Центральной Азии. В этнографии алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов выявляются «скифский» и «хуннский» компоненты разной сохранности. Особой чертой, характерной для ираноязычных племен скифской культуры, являются постройка мощных деревянных внутримогильных сооружений и сопогребение с покойным коня. Данная традиция была широко распространена в последующее время и сохранилась у многих тюркоязычных народов Сибири вплоть до начала XIX в.

Ключевые слова: скифские истоки; хуннские компоненты; погребения; предметы быта; домашняя утварь; звериный стиль; ритуальные сооружения.

В отечественной литературе бытует гипотеза о преемственности определенных элементов от предшествующих эпох в культуре древних тюрков [1. С. 135]. По определению Д.Г. Савинова, в формировании древнетюркского культурного комплекса большую роль сыграли «скифский» и «хуннский» пласты. Целый ряд предметов материальной культуры, зародившись в эпоху ранних кочевников, продолжал существовать без значительных изменений и позже, органически «вписавшись» в культуру эпохи Раннего Средневековья [2. С. 130].

С.Г. Кляшторный, опираясь на мифологию, выделил иранские и тохарские истоки в духовной культуре современных тюркоязычных народов Сибири [3. С. 214]. Этнограф В.Я. Бутанаев рассмотрел архаичный культ богини Умай в культуре хакасов [4. С. 99]. Данную проблематику продолжил в своих исследованиях В.Д. Черемисин, выделив древние иранские параллели в мифологии тюркоязычных народов Сибири. Следует отметить статью М.И. Боргоякова, в которой приводятся скифо-хакасские этнографические и фольклорные параллели [5].

Первым исследователем, выделившим предметы южного происхождения в материальной культуре якутов, был А.П. Окладников [6. С. 101–109]. В дальнейшем А.И. Гоголев выделил определенные компоненты в традиционной культуре якутов, характерные для культуры ранних кочевников. Дотюркский компонент в палеоэтнографии он обозначил как «скифо-хуннский»: «По современным представлениям в истоках этногенеза тюркоязычных народов Южной Сибири прослеживаются скифо-хуннские компоненты, состоящие из двух составных частей – скифо-сибирской и хуннской» [7. С. 18].

Данную проблему в своих исследованиях затронула Р.И. Бравина, выделив параллели в погребальных сооружениях якутов и хунну [8. С. 27].

Скифо-сибирская эпоха просуществовала в степной зоне Евразии на протяжении почти I тыс. до н.э. На смену ей приходит гунно-сарматская эпоха (конец III в. до н.э. – V в. н.э.), определяемая еще как хунно-сяньбийская [9].

Ритуальные сооружения из дерева были распространены у многих тюркоязычных народов Сибири и носили в себе глубокий сакральный смысл. П.К. Дашковский отмечает, что «архетип мирового

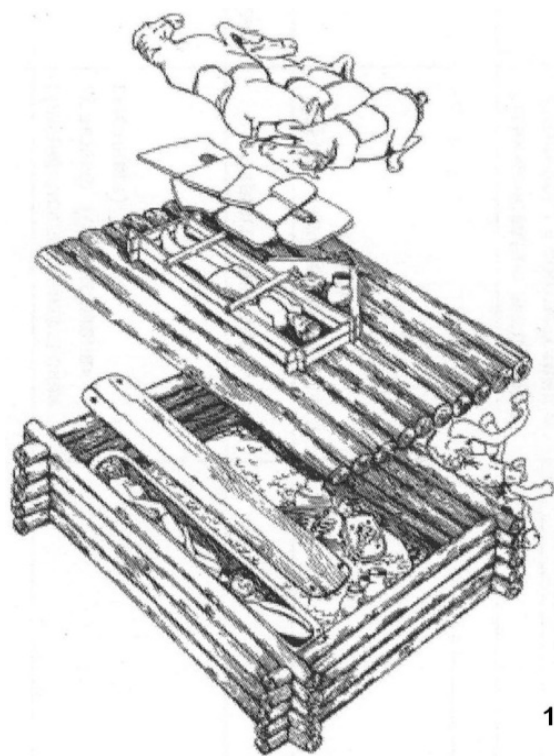
дерева (модель мира) отражен в структуре погребального памятника номадов – кургане» [10. С. 44–47]. Символ Мирового дерева активно использовался во многих ритуалах хакасов, алтайцев, якутов. Все обрядовые действия народов Саяно-Алтая совершались возле священного дерева, а если такового не оказывалось, его заменяли аналогом – срубленной молодой березой [7. С. 18]. В отношении этих деревьев налагались определенные табу, с ними связывали свою жизнь и счастье, здоровье детей, благополучие скота [11].

Особое назначение дереву уделялось в погребально-поминальной обрядности. Внутримогильные конструкции, как и надмогильные, сооружали в основном из дерева, они известны еще со скифского времени на Алтае. Деревянные конструкции внутри погребений были распространены в Горном Алтае, Казахстане, Туве, Монголии. Особо выделяются такие погребения, как Пазырык, Берель, Аржан, Ак-Алаха (рис. 1, 4), Верх-Кальджин, Олон-Курин-Гол [12. Т. 5. С. 446–453].

Характерной чертой для погребений ранних кочевников было наличие двойного сруба (рис. 1, 2). Внешний отсек служил для заполнения погребения, срубы устанавливались на шести мощных столбах [13. С. 283]. Еще одной особенностью, отличавшей захоронения скифского времени, являлась традиция сопогребения взнузданных и украшенных коней, количество которых зависело от статуса погребенного (рис. 1, 1) [14. С. 100–101].

Похожая традиция применения в погребении внутримогильных конструкций встречается у хунну (рис. 1, 5). Якутские захоронения в деревянных гробах-колодах (рис. 1, 6), помещенных в прямоугольный сруб с выделенным отсеком для наиболее ценных предметов сопроводительного инвентаря, точно повторяли устройства хуннских внутримогильных сооружений (рис. 1, 3). Здесь прослеживаются параллели между захоронениями в колодах хунну и традиция возведения наземных захоронений у тюркоязычных народов Сибири [15. С. 45–46].

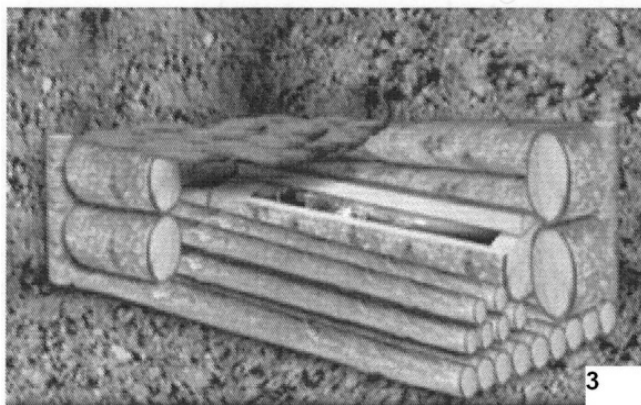
У алтайцев и хакасов также были распространены деревянные срубные сооружения. По предположению С.И. Вайнштейна, генезис данных конструкций берет начало со скифского времени Саяно-Алтая [16. С. 144].



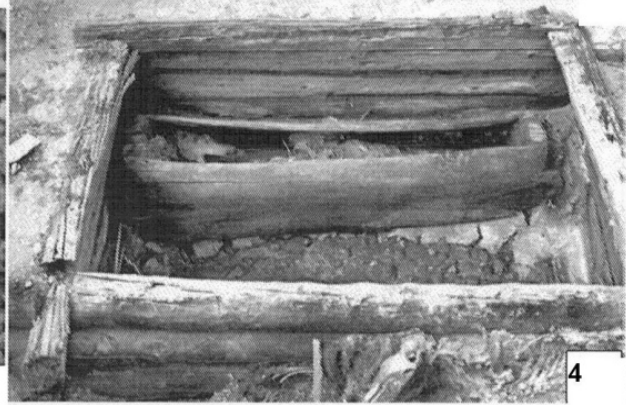
1



2



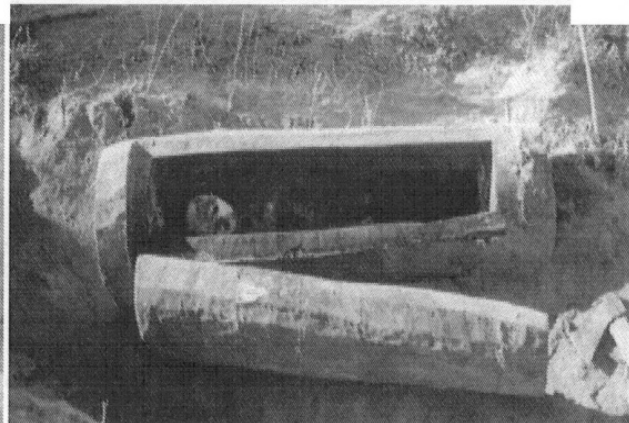
3



4



5



6

Рис. 1. Погребальные захоронения: 1 – реконструкция погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха – 3 (по Н.В. Полосьмак);
2 – погребальная камера воина в кургане 1 могильника Верх-Кальджин (по В.П. Мыльникову);
3 – реконструкция якутского захоронения в внутримогильном срубе;
4 – сруб погребения средней знати в кургане 3 могильника Ак-Алаха (по В.П. Мыльникову);
5 – захоронение хунну в пади Царам (Забайкалье), курган 7 (по С.С. Миняеву);
6 – якутское захоронение гроб-колода. Фото В.В. Попова

Сохранившиеся, в некоторых случаях видоизменившиеся, аналогии в погребальном обряде встречаются у хакасов – сагайцев из рода халар – гроб с телом шамана, выдолбленный из целого дерева, устанавливался на помосте, покоившемся на четырех столбах. Другая этническая группа хакасов – качинцы – также хоронили шаманов на помосте на четырех столбах, поставленном на вершине высокой горы [17. С. 192].

У тувинцев также был широко распространен обряд погребения умерших шаманов на деревянных помостах [18. С. 75]. Следует отметить, что на территории Якутии встречается аналогичный способ погребения на столбах. Т.М. Михайлов отмечает, что обычай сооружения воздушного захоронения возник в период формирования алтайской общности – не позднее I тыс. до н.э. [19. С. 185].



Рис. 2. Погребение священного коня. Фото В.Ф. Яковлева

Традиция возведения коновязи широко распространена у тюркоязычных народов Сибири и имеет древние истоки. Данный обычай напрямую связан с культом коня, бытовавшим у всех коневодческих народов Сибири. Хакасы устанавливали коновязи – *сарчын* перед юртой, она являлась символом – заменителем Мирового дерева [20. С. 11]. Специально для ритуального коня (хакас. *ызых*) хакасы возводили коновязный столб на скотоводческом празднике *тун пайрам*. *Ызых* должен был охранять домашний скот и способствовать его преумножению. У якутов на календарном празднике кумысопития *ысыах* проводятся обряды почитания священной лошади. А.И. Гоголев обычай сооружения *сэргэ* у якутов сравнивает с конским столбом в Ригведе, к которому привязывают коня, приносимого богу солнца для посвящения. Функционально оно отождествляется с мировым деревом [7. С. 20]. Следует привести предположительно более ранние аналогии коновязным столбам, «конно-головым жезлам», обнаруженным в Сейме, Ростовке, а также из Елунина – I и Усть-Муты. Возможно, данные жезлы олицетворяли синтез жертвенного коня и

Ярким примером почитания лошади у якутов выступает отдельное, наземное захоронение. На фотографии, сделанной В.Ф. Яковлевым (рис. 2), изображено наземное (арангасное) захоронение священной лошади (якут. *ытык ат*) в местности Кубалах, Сунтарский улус. Рядом с погребением была возведена ритуальная коновязь, сооружаемая специально для обряда погребения. Коновязь – *сэргэ*, по воззрениям якутов, была необходима лошади в «мире мертвых». Здесь прослеживается параллель с ритуальной обрядностью ранних кочевников Саяно-Алтая. У племен скифского времени было принято обустраивать погребальные сооружения по типу жилищ живых людей и снабжать их вещами, необходимыми в «мире мертвых». Данная особенность была связана с верой ранних кочевников в загробную жизнь.

лошадиного столба (др.-инд. *aśvatthā-*, букв. «дерево коня») в значении «лошадиная стоянка» или «конь-дерево» [21. С. 99].

Вполне вероятной считается гипотеза о наличии у скифских племен деревянных балбалов-коновязей, которые не сохранились из-за плохой сохранности дерева [22. С. 58].

Предметы бытового назначения, обнаруженные в археологических материалах ранних кочевников, были максимально приспособлены для кочевого образа жизни. В материальной культуре тувинцев, алтайцев, хакасов, шорцев, тофаларов встречаются архаические виды материалов, из которых изготавливалась посуда (береста, дерево, кожа, различные органы диких и домашних животных и др.).

Г.В. Кубарев отмечает, что предметы быта – это еще одна категория предметов, свидетельствующая о преемственности и наличии местного компонента населения в формировании культуры древних тюрков Алтая. Более того, формы деревянной посуды и способы её изготовления сохраняются у многих тюркоязычных народов Саяно-Алтая до этнографической

современности [23. С. 69]. Это подтверждается и целым рядом соответствий алтайских и древнетюркских терминов, обозначающих различные деревянные сосуда [2. С. 197].

Интересен в этом плане якутский традиционный сосуд для кумысопития – *чорон*. Его изготавливали из корня березы путём выдалбливания. С.И. Вайнштейн сравнивает якутский чорон с сосудами сыынчюрекских племен Тувы в гуннское время. Похожая по форме, но вышедшая из употребления посуда была распространена в быту у тувинцев [17. С. 105].

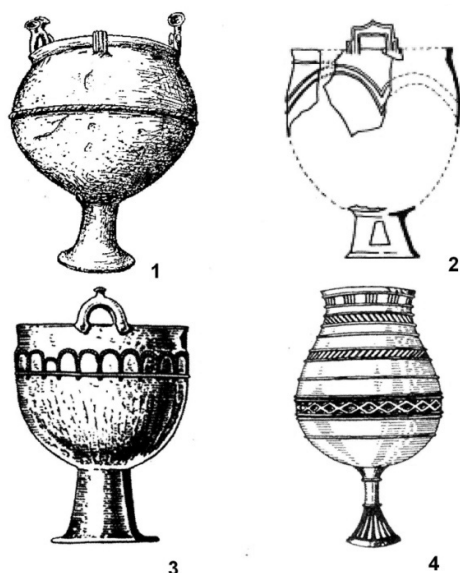


Рис. 3. Сопоставление сосудов кубкообразной формы: 1 – сарматский котел из окрестностей Старобельска; 2 – бронзовый котел хуннской культуры из Ноин-Улы, Забайкалье (по И.П. Засецкой); 3 – металлический сосуд савроматов и ранних сарматов (по А.И. Гоголеву); 4 – якутский чорон ритуального назначения (по М.М. Носову)

Происхождение чорона связывают с синтезом сосудов яйцевидной формы железного и бронзового веков с скифскими котлами [24. С. 101–109]. По Ф.Х. Арслановой, кубкообразная форма сосуда появляется в эпоху поздней бронзы и становится наиболее известной благодаря многочисленным котлам скифо-сарматского времени. Ту же форму котлообразного сосуда, по её мнению, сохраняет тесинская, таштыкская и кокзельская керамика. В середине I тыс. н.э. аналогичные сосуды были найдены в курганах «с усами» Восточного Казахстана [25. С. 124–129]. Изображения кубков, по-видимому металлических, характерны для некоторых алтайских, тувинских и особенно монгольских древнетюркских каменных изваяний [26. С. 133].

Железные гуннские котлы по кубкообразной форме, а также наличием арочного орнамента схожи с кумысными сосудами якутов [27. С. 53].

Домашняя утварь, изготовленная из дерева, являлась не только предметом бытового назначения, но и атрибутом культовых действий. В захоронениях скифского времени встречаются различные предметы из дерева неизвестного предназначения, что связано с плохой сохранностью материала.

Следы «звериного стиля» встречаются на деревянных предметах бытового назначения у многих тюркоязычных народов Сибири. С.В. Иванов отмечал присутствие следов «звериного стиля» в искусстве тувинцев, также данный стиль присутствовал у южных алтайцев, но его следы проступали слабо. Исследователь отметил, что северным алтайцам и хакасам «звериный стиль» не был известен. В археологических материалах Тувы и Алтая скифского времени были обнаружены ковши с полусферическим черпаком и резной ручкой в виде лошадиного копыта [28. С. 52]. Ковши служили емкостями для кумыса и олицетворяли символ возрождения [24. С. 197–199]. Ранние ковши были посвящены культу божественного коня [28. С. 58]. Следует отметить наличие в материальной культуре тувинцев и алтайцев деревянных крюков – вешалок с изображением лошадиных голов [29. С. 124].

Первые следы присутствия «звериного стиля» на территории Якутии связаны с находкой ажурной бронзовой пластины с изображениями, выполненными в зверином стиле [30. С. 288. Рис. 1]. Следующие находки на территории Средней Лены представлены археологическими материалами кулун-атахской культуры XIV в. Здесь встречаются одиночные предметы с изображенными на них головами лошадей [31. С. 189].

Следует отметить наличие у якутов кумысных ковшей *хамыйях* с ручкой в виде лошадиной головы [32. С. 44–45]. Некоторые якутские воронки *кенкелёйн* для взбивания кумыса изготавливались также в форме лошадиного копыта [Там же. С. 77–79].

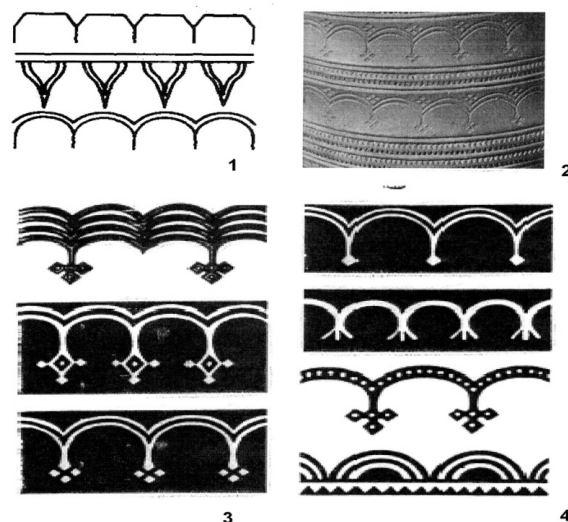


Рис. 4. Орнаментация кумысных чоронов: 1 – орнаменты на хунно-гуннских котлах, обнаруженных на территории Сибири и Саяно-Алтая (по И.П. Засецкой); 2 – арочный, или «небесный», орнамент на кумысной чороне; 3 – арочные орнаменты на якутских чоронах (по С.В. Иванову)

Таким образом, дерево являлось символом жизни и выступало в качестве незаменимого атрибута в ритуальных действиях ранних кочевников Саяно-Алтая. Данная особенность прослеживается в постройке внутри-могильных и надмогильных сооружений, размещение в погребальном помещении нескольких отсеков для сопроводительного комплекса предметов. Характерной

чертой данных погребений выступало наличие жертвенного коня либо нескольких убитых лошадей. Следует отметить, что параллели в погребальной обрядности тюркоязычных народов Сибири свидетельствуют о преемственности ими культуры ранних кочевников в лице скифской и последующей хуннской культур.

Интересным компонентом, характерным для культуры ранних кочевников, выступает культ «мирового дерева», в качестве ритуального символа выступала вертикально установленная в самом погребении молодая береза. Здесь же следует указать обычай возведения коновязей у алтайцев, хакасов, якутов. Данная традиция является архаичной традицией, бытовавшей, предположительно, с скифо-сарматского времени. Коновязь носила не только бытовые функции, но и выступала в качестве сакрального элемента, употребляемого в культовых действиях кочевников Саяно-Алтая. Первые свидетельства о наличии культовых коновязей у скифов встречаются в Ригведе.

Еще одной категорией предметов, свидетельствующих о преемственности и наличии скифо-хуннских ком-

понентов в формировании культур тюркоязычных народов Сибири, выступают предметы быта. В формировании якутского *чорона* большую роль сыграли, предположительно, скифские и хуннские котлы. Арочная орнаментация самого сосуда для кумысопития по сюжету аналогична с орнаментацией кубкообразных сосудов хунну.

Распространенный на территории Евразии в I тыс. до н.э. «звериный стиль» также нашел отражение в предметах бытового назначения. Алтайцы, тувинцы, якуты деревянные предметы утвари нередко стилизовали в форме частей тела лошади. Данная особенность была связана с культом коня, распространенным в среде ираноязычных племен скифской эпохи.

Приведенные параллели свидетельствуют о большом влиянии на формирование культуры алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов культуры ранних кочевников. Зачатки материальной культуры, сформировавшись в скифскую и хунно-сяньбийскую эпоху, продолжали развиваться в культурах современных тюркоязычных народов Сибири.

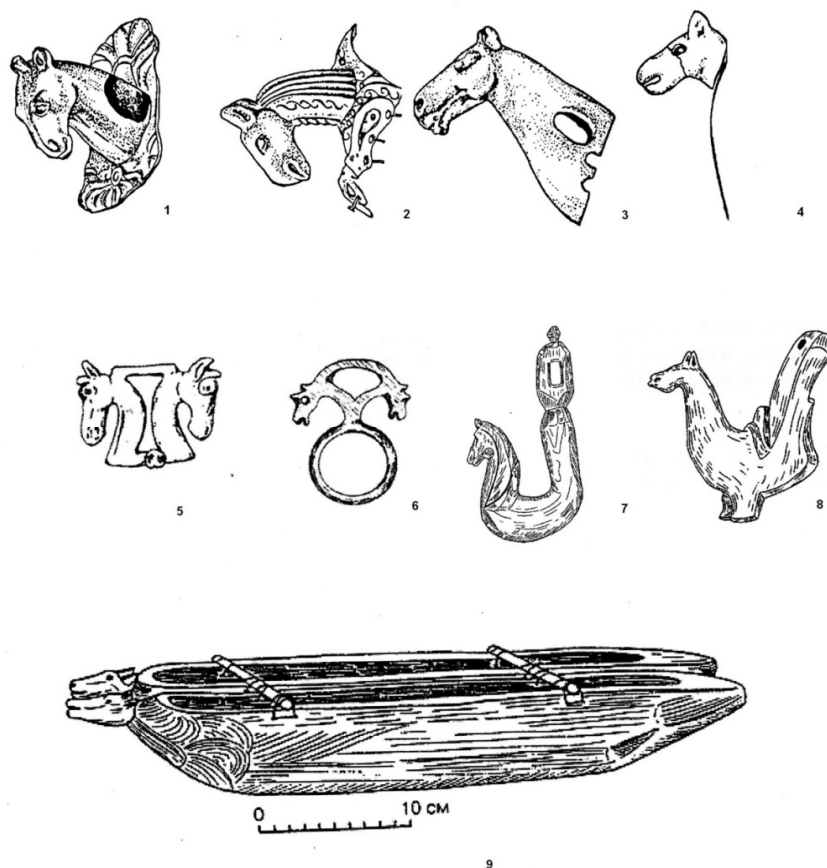


Рис. 5. Зооморфные изображения на предметах быта: 1 – конский налобник, золото, IV в. до н.э., Александропольский курган, Приднепровье (по Е.Ф. Корольковой); 2 – оковка с ручкой сосуда, золото, V–IV в. до н.э. 1-й Филипповский курган (тайник I) (по Е.Ф. Корольковой); 3 – навершие, кость, VI–V вв. до н.э., могильник у оз. Кызыл-Куль, курган 1, мог. 1, Минусинский край (по Е.Ф. Корольковой); 4 – накладка на сосуд, золото, IV в. до н.э. (по Е.Ф. Корольковой); 5 – материалы кулун-атахской культуры (по А.И. Гоголеву); 6 – алтайский деревянный крюк-вешалка в виде лошадиной головы (по В.А. Кореняко); 7 – тувинский деревянный крюк-вешалка в виде лошадиной головы (по В.А. Кореняко); 8 – тувинская модель паромы *онгоча* с вырезанной лошадиной головой на носу (по В.А. Кореняко)

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. № 3; Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.

2. Савинов Д.Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Алматы. М., Вып. 2. 1998.
3. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.
4. Бутанаев В.Я. Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. 99 с.
5. Боргояков М.И. Скифо-тюркские (хакасские) этнографические и фольклорные параллели // Народы Азии и Африки. 1975. № 6.
6. Окладников А.П. Скифы и тайга (К изучению памятников скифского времени в Ленской тайге) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II.
7. Гоголев А.И. Якуты (Проблема этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993.
8. Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов как историко-этнографический источник (XVII–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.
9. Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. Новосибирск, 2006.
10. Дашковский П.К. Космологическая модель пазырыцкого кургана // Четвёртые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997.
11. Кенин-Лопсан Монгуш. Родина шаманизма – Тува // Тувинский Форум. URL: www.overtone.ru/shamanizm/?content=item=96 (дата обращения: 30.03.2009).
12. Молодин В.И., Мыльников В.П. Верх-Кальджин 2 и проблемы деревообработки у носителей пазырыцкой культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (материалы VII Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь, 1999 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. 5.
13. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. Древнетюркские обиталища // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008.
14. Мыльников В.П. Опыт изучения погребальных сооружений из дерева в процессе раскопок археологических памятников // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2012. № 1 (49), январь – март.
15. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции XV–XIX вв. Новосибирск, 2005.
16. Вайнштейн И.С. Мир кочевников Центральной Азии. М., 1991.
17. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тодзинцы. М., 1961.
18. Дьяконова В.П. Посуда народов Южной Сибири в собраниях МАЭ // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.: Наука, 1988.
19. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (С древнейших времен до XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. С. 185.
20. Ачитаева Е.А. Ландшафт как элемент «культурного пространства» в системе сакрализации пространства в традиционном обществе (на примере хакасского этноса) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1.
21. Ковтун И.В. «Конноголовые жезлы» и культ конской головы в Северо-Западной Азии во II тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. № 4 (52).
22. Кубарев В.Д. «Конь счастья» в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения. К 50-летию института «Урусувати». Новосибирск, 1979.
23. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск, 2005.
24. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М., 1950. Ч. 1–2. С. 411.
25. Арсланова Ф.Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
26. Тошакова Е.М. Кожаная и деревянная посуда и техника её изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 197.
27. Чороон – история и современность / сост. Р.И. Бравина, Л.Е. Слепцова, С.Т. Попова. Якутск, 2014.
28. Кисель В.А. Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном наборе древних кочевников // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013.
29. Кореняко В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М., 2002. С. 124.
30. Окладников А.П. Новая скифская находка на Верхней Лене // СА. 1946. VIII. С. 288. Рис. 1.
31. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии Позднего Средневековья XIV–XVIII вв. Иркутск, 1990. С. 189.
32. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. Якутск: Якутиздат, 1971.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2016 г.

SCYTHIAN-HUNNISH COMPONENTS OF RITUAL STRUCTURES AND DOMESTIC ITEMS MADE OF WOOD OF THE TURKIC-SPEAKING PEOPLES OF SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 138–144.

DOI: 10.17223/15617793/408/21

Struchkova Anna V. North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: anna301990@gmail.com

Keywords: Scythian sources; Hunnish components; burial; household items; utensils; animal style; ritual structures.

Sacralization of the tree of the Turkic-speaking peoples of Siberia has its origin in the previous culture of the early Sayans and Altai nomads and of the whole Central Asia. Altaic, Tuvan, Khakas and Yakut ethnography has “Scythian” and “Hunnish” components with different degrees of preservation. The tree is a symbol of life, and serves as an indispensable attribute of ritual actions of early nomads of Sayans and Altai. This feature can be seen in the construction of gravestones and burial facilities, in the setting of burials with special compartments for accompanying equipment. A characteristic feature of burials was a person’s burial with a sacrificial horse or several killed horses. The Turkic-speaking peoples of Siberia have an archaic tradition of erecting hitching posts. This tradition is directly linked with the cult of the horse of all Siberian peoples who bred horses. The Khakas set hitching posts (*sarchyn*) in front of the house. This symbol was a substitute of the World Tree. They made a hitching post at the festival of cattle breeders especially for a ritual horse (*zykh*). Zyxh had to guard the livestock and contribute to their increase. The Sakha people have a similar tradition. At the Ysyakh festival rites of honoring the sacred horse are made. Presented parallels in the ritual ceremonies of the Turkic-speaking peoples of Siberia show us the continuity of the culture of the early nomads, in the face of the Scythian and Hunnish culture. This tradition was widespread later, and preserved by many of the Turkic-speaking peoples of Siberia until the early 19th century. Household items was one of the categories of objects which testified to the continuity and presence of Scythian-Hunnish components in the formation of cultures of the Turkic-speaking peoples of Siberia. Presumably, the Scythian and Hunnish kettle played an important role in the formation of the Sakha choron. The arched ornamentation of the dish for drinking kumis was similar to the ornamentation of the Hunnish goblet-like bowl. The “animal style” spread across Eurasia in the 1st millennium BC is also reflected in the domestic items. Altaic, Tuvan, Sakha peoples often stylized wooden utensils in the form of parts of a horse body. This feature was associated with the cult of the horse common among the Iranian tribes of the Scythian period. These parallels suggest great influence of

the culture of the early nomads on the culture of Altaic, Tuvan, Khakas and Sakha peoples. The beginnings of material culture were formed in the Scythian and Hunnish-Xianbei era and developed in cultures of modern Turkic-speaking peoples of Siberia.

REFERENCES

1. Vaynshteyn, S.I. (1966) Nekotorye voprosy istorii drevnetyurkskoy kul'tury (v svyazi s arkhologicheskimi issledovaniyami v Tuve) [Some questions of the history of ancient Turkic Culture (in connection with archaeological research in Tuva)]. *Sovetskaya etnografiya*. 3.
2. Savinov, D.G. (1998) O "skifskom" i "khunnskom" plastakh v formirovani drevnetyurkskogo kul'turnogo kompleksa [On the "Scythian" and "Hunnish" in the formation of layers of ancient Turkic cultural complex]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana*. 2.
3. Klyashtorny, S.G. (1964) *Drevnetyurkskie runicheskie pamyatniki kak istochnik po istorii Sredney Azii* [Ancient Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia]. Moscow: Nauka.
4. Butanaev, V.Ya. (1984) Kul't bogini Umay u khakasov [The cult of the goddess Umai of the Khakass people]. In: Gemuev, I.N. (ed.) *Etnografiya narodov Sibiri* [Ethnography of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
5. Borgoyakov, M.I. (1975) Skifo-tyurkskie (khakasskie) etnograficheskie i fol'klornye paralleli [Scythian and Turkic (Khakass) ethnographic and folklore parallels]. *Narody Azii i Afriki*. 6.
6. Okladnikov, A.P. (1978) Skify i tayga (K izucheniyu pamyatnikov skifskogo vremeni v Lenskoy tayge) [Scythians and the taiga (to the study of the Scythian monuments in the Lena taiga)]. In: *Problemy arkheologii* [Problems of archeology]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State University.
7. Gogolev, A.I. (1993) *Yakuty (Problema etnogeneza i formirovaniya kul'tury)* [The Yakuts (the problem of ethnogenesis and formation of culture)]. Yakutsk: Yakutsk State University.
8. Bravina, R.I. (1983) *Pogrebal'nyy obryad yakutov kak istoriko-etnograficheskiy istochnik (XVII–XIX vv.)* [The funeral rite of the Yakuts as a historical and ethnographic source (17th–19th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
9. Khudiyakov, Yu.S. (2006) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri khunno-syan'biyskoy epokhi* [Archaeology of South Siberia of the Hunnish-Xianbei era]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
10. Dashkovskiy, P.K. (1997) [Cosmological model of the Pazyryk mound]. *Chetvertye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [The fourth historical readings in memory of M.P. Gryaznov]. Proceedings of the conference. Omsk. 2–3 December 1997. Omsk: Omsk State University. (In Russian).
11. Kenin-Lopsan Mongush. (c. 2009) *Rodina shamanstva – Tuva* [Tuva: the homeland of shamanism]. [Online] Available from: www.overtone.ru/shamanizm/?content=96. (Accessed: 30 March 2009).
12. Molodin, V.I. & Myl'nikov, V.P. (1999) Verkh-Kal'dzhin 2 i problemy derevoobrabotki u nositeley pazyrykskoy kul'tury [Verkh-Kaldzhin 2 and problems of woodworking in the Pazyryk culture representatives]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. 5. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS.
13. Kyzlasov, I.L. (2008) Materialy k ranney istorii tyurok. Drevnetyurkskie obitalishcha [Materials on the early history of the Turks. Ancient Turk habitation]. In: Dybo, A.V. (ed.) *Prirodnoe okruzhenie i material'naya kul'tura pratyurkskikh narodov* [The natural environment and material culture of pre-Turk peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura.
14. Myl'nikov, V.P. (2012) Investigation of Wooden Burial Structures in the Process of Archaeological Excavations. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 1 (49). pp. 97–107. (In Russian).
15. Bravina, R.I. & Popov, V.V. (2008) *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' yakutov: pamyatniki i traditsii XV–XIX vv.* [Funeral and memorial rites of the Yakuts: Monuments and traditions of the 15th–19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
16. Vaynshteyn, I.S. (1991) *Mir kochevnikov Tsentral'noy Azii* [The world of Central Asian nomads]. Moscow: Nauka.
17. Vaynshteyn, S.I. (1961) *Tuvinty-todzhinty* [Tozhu tuvans]. Moscow: Izd. vostochnoy literatury.
18. D'yakonova, V.P. (1988) Posuda narodov Yuzhnoy Sibiri v sobraniyakh MAE [Dishes of the peoples of Southern Siberia in the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography]. In: Taksami, Ch.M. (ed.) *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Sibiri* [Material and spiritual culture of the peoples of Siberia]. Leningrad: Nauka.
19. Mikhaylov, T.M. (1980) *Iz istorii buryatskogo shamanizma (S drevneyshikh vremen do XVIII v.)* [From the history of Buryat shamanism (From ancient times to the 18th century)]. Novosibirsk: Nauka.
20. Achitaeva, E.A. (2013) Landshaft kak element "kul'turnogo prostranstva" v sisteme sakralizatsii prostranstva v traditsionnom obshchestve (na primere khakasskogo etnosa) [Landscape as part of the "cultural space" in the space sacralisation system in a traditional society (the Khakass ethnos)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 1.
21. Kovtun, I.V. (2012) "Horse-Headed" Staffs and the Cult of the Horse Head in Northwestern Asia in the 2nd Millennium BC. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 4 (52). pp. 95–105. (In Russian).
22. Kubarev, V.D. (1979) "Kon' schast'ya" v religiozno-mifologicheskikh predstavleniyakh rannikh kochevnikov Gornogo Altaya [The "Horse of Happiness" in the religious and mythological ideas of the early nomads of the Altai Mountains]. In: *Rerikhovskie chteniya. K 50-letiyu instituta "Urusvati"* [Roerich Readings. On the 50th anniversary of the Urusvati Institute]. Novosibirsk.
23. Kubarev, G.V. (2005) *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya. Po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov* [The culture of the ancient Turks of Altai. Based on materials from funerary monuments]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS.
24. Okladnikov, A.P. (1950) *Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya* [The Neolithic and Bronze Age of the Baikal region]. Vols 1 & 2. Moscow: USSR AS.
25. Arslanova, F.Kh. (1975) Kurgany "s usami" Vostochnogo Kazakhstana [Mounds "with mustache" of East Kazakhstan]. In: Akishev, K.K. (ed.) *Drevnosti Kazakhstana* [Antiquities of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
26. Toshchakova, E.M. (1976) Kozhanaya i derevyannaya posuda i tekhnika ee izgotovleniya u yuzhnykh altaytsev [Leather and wooden utensils and techniques for its production of the southern Altai peoples]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Material'naya kul'tura narodov Sibiri i Severa* [The material culture of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad: Nauka.
27. Bravina, R.I., Sleptsova, L.E. & Popova, S.T. (2014) *Choroon – istoriya i sovremennost'* [Choroon – history and the present]. Yakutsk: Choroon XXI vek.
28. Kisel', V.A. (2013) Derevyannye kovshi s zoomorfnyimi ruchkami v pogrebal'nom nabore drevnikh kochevnikov [Wooden buckets with zoomorphic handles in the funeral set of ancient nomads]. In: Chistov, Yu.K. (ed.) *Radlovskiy sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2012 g.* [Radlovsk collection: research and museum projects of the Museum of Anthropology and Ethnography in 2012]. St. Petersburg: RAS Museum of Anthropology and Ethnography.
29. Korenyako, V.A. (2002) *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil'* [Art of the peoples of Central Asia and the animal style]. Moscow: Vostochnaya literatura.
30. Okladnikov, A.P. (1946) Novaya skifskaya nakhodka na Verkhney Lene [A new Scythian find on the Upper Lena]. *Sovetskaya arkheologiya*. VIII. p. 288.
31. Gogolev, A.I. (1990) *Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii Pozdnego Srednevekov'ya XIV–XVIII vv.* [Archaeological monuments of Yakutia of the late Middle Ages, the fourteenth to eighteenth centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
32. Konstantinov, I.V. (1971) *Material'naya kul'tura yakutov XVIII v.* [The material culture of the Yakuts of the 18th century]. Yakutsk: Yakutizdat.

Received: 18 April 2016